
Алекс Норк
НОЛЬ ЧАСОВ
по московскому времени
Новелла I
38
ПЕТРОВКА
УЛИЦА

Алекс Норк

Ноль часов по московскому времени. Новелла I

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6900176

Аннотация

Эта новелла является первой в серии, составленной по запискам нашего соотечественника, проживающего сейчас в дальнем зарубежье. Его материалы сочетают рассказы о криминальных расследованиях с размышлениями о российской истории, не бесспорными и далекими от мейнстрима современной патриотичности. Однако для читателей, не приверженных идее единомыслия, они могут быть интересны многими фактами и нетривиальными логическими построениями. Любителям чисто детективных сюжетов тексты вряд ли понравятся. В процессе их подготовки к печати были сделаны некоторые дополнения, вполне одобренные автором оригинала – Дмитрием Шадриным.

Алекс Норк
Ноль часов по московскому времени. Новелла I

«Счастли́в, кто посетил сей мир в его минуты роковые», – сказал дипломат Тютчев, который «роковых минут» в жизни совсем не испытывал; наверное, от кабинетной скуки сказал, ведь и правда – надоест мух баварских давить и выдумывать для Петербурга про политические события, которые в насквозь благополучной Баварии, ну, никак не случаются; или от шампанского после банкета вылетело так у него.

А я как раз посетил «сей мир» в те самые указанные минуты, и могу с удовольствием вспоминать о них теперь разве лишь потому, что они, проклятые, сзади. Что называется, ура-проскочил!

Или вот снова Тютчев, и это уж точно после шампанского: «Умом Россию не понять, в Россию можно только верить!»

Ну, во-первых, если можно верить, то можно и не верить.

А во-вторых, неплохо ему ответил современник наш Губерман: «Давно пора, едрёна мать, умом Россию понимать». Он несколько грубее сказал, но я так повторить не могу.

Отчего-то про Россию часто думается не в самой России, а когда мы от нее вдалеке. Писатели наши – классики – на такой факт очень часто внимание обращали, особенно Достоевский напирал.

И батя мой, по другую сторону столика, вот только сказал, что дожди наверняка там уже холодные… показав глазами на бутылку Malvasia di Bosa, и я нам обоим плеснул.

Что за дело до московских дождей здесь на Сардинии, где мы сидим от солнца под тентом, а мой старший брат с молодой третьей женой на теннисном корте совсем запарился – хорошо гоняет она его.

И вообще хорошо.

Около полукилометра сортового виноградника у нас за спиной – нашего виноградника. И винзавод современный с подвалами тоже наш, да много чего еще…

Нет-нет, мы не олигархи какие-нибудь, прости господи, нет, мы честные труженики.

Юридического фронта.

Хлебопашцы адвокатских полей.

И даже бывшие уже.

Отдыхающие, заслуженно, от непосильных трудов.

Строго говоря, настоящие адвокаты – отец и брат, а я к ним в последние годы примазался, на подхвате был в их юридической фирме, а все 90-е и начало нулевых проработал ментом.

Только опять не подумайте чего дурного – вроде мостика криминального между милицией и адвокатурой, нет, просто по жизни само так сложилось.

Сложилось у меня сразу: сколько помню себя, всегда хотел стать сыщиком. Может быть, оттого, что брат – четырьмя годами он старше меня – начал мне в пятилетнем возрасте читать Шерлока Холмса, хотя сам брат утверждает, что начал читать именно по причине тяги моей ко всякому розыску, и любимая игра была, чтобы спрятали что-то в квартире, а я нашел – по некоторым наводящим признакам, разумеется.

Вот эта сызмальства тренировка вытягивать по цепочке из всяких мелочей и намеков важные обстоятельства стала чем-то вроде alter ego – второго я – и сыграло главную роль в моей карьере, в первой половине жизни, во всяком случае.

А жизнь начиналась не очень сладко.

Без матери, которая умерла от большой потери крови при моих родах.

Отце, разрывавшемся между работой, и чтобы за нами следить.

Дома я с утра оставался один, пока не приходил из школы брат и кормил меня и себя оставленным нам обедом.

Это сейчас у отца гладкая загорелая кожа, привлекательный импозантный мужчина, хотя уже семьдесят два. А в детской памяти лицо отца бледное, отечное и всегда с синеватыми некрасивыми мешочками под глазами. Тогда он не только зарабатывал деньги – и не каждый раз хорошо удавалось, – но и «делал имя». Потом я слышал, как наставлял в этом брата: «Имя-имя! Остальное придет само».

К счастью, оно так и вышло.

К счастью… Счастье с несчастьем в 90-е годы были выбиты из колеи, как и всё остальное, шатались, не понимая где-что, и хватали кого попало.

Поэтому нужны были сила и выдержка, чтобы вырваться от одной дамы или уцепиться другой за рукав.

Батя сумел.

Потом подтянул брата.

А я аккурат в 92-м году закончил московскую нашу милицейскую Академию.

Закончил с отличием, и через полгода уже в чине капитана назначен был заместителем начальника Отдела по борьбе с опасными насильственными преступлениями, или сделался, как коротко нас называли коллеги: «убойщиком».

Упреждаю вопрос: как, вдруг, в двадцать три года уже капитан и на должность такую, да на самой Петровке?

Ненаивные, а в нашей стране они редкость, вспомнив то время, сразу же догадались, а для остальных нужно дать ответ развернутый, чтобы было понятно, что в действительности у нас за спиной. Это важно очень для молодежи – горькая правда, она как лекарство, только не надо употреблять сверх меры.

Из «ментовки» видно гораздо больше, чем из городской квартиры, а тем более из русской деревни, откуда кроме местного магазина вообще ничего не видно. «Ментовка» информированное заведение, а кроме того у меня был культурный и сведущий круг друзей, вот с одного из них и начну.

Одноклассник мой закончил экономический факультет МГИМО со специализацией по экономике США, то есть самой рыночно-передовой экономике, и с лета 92-го работал в Институте США и Канады.

Даже для меня кое-что из его рассказов стало открытием.

Оказывается, рыночной экономикой, антагонистичной экономике социализма – лютым врагом, над которым мы постоянно бахвалились одержать победу, серьезно и вдумчиво занимались. В целом ряде элитарных экономических НИИ страны. Причем не с целью охальных выводов для публикаций в газете «Правда», а прежде всего для выяснения сильных сторон рынка, его законов и движущих сил. И это, как раз, не публиковалось в советских газетах, а только в материалах для служебного пользования или под грифом «СС».

Главные выводы были политически неутешительными – капитализм не собирался загибаться. Более того, создавал в единицу времени больше продукции и лучшего качества, чем удавалось нам, а что касается продукции массового потребления, несмотря на наш дешевый труд, а их дорогой, делал ее крайне разнообразной и всем доступной. В бюджете американской или английской семьи питание составляло чуть больше 10 %, а мы, в среднем, проедали две трети. Разрыв по научно-технической составляющей со второй половины 70-х годов возрастал, а в 80-е эта тенденция стала для нас угрожающей. Да, в оборонке совет-

ской были сильные результаты, но и там на заводах всё больший удельный весь занимало импортное производящее оборудование.

Коротко говоря, марксизм-ленинизм обгадился. Первый, в том что касалось загнивания самого капитализма, а второй – в нелепой идее о сверхсиле общественной собственности помноженной на энтузиазм масс. В эту глупость давно уже никто не верил, про Ленина рассказывали анекдоты, а самый яркий, пожалуй, такой.

Возник он на 100-летие Ильича, в 1970 г., когда еще сохранились люди, видевшие Вождя живым; их в юбилейный год водили на всевозможные собрания, где председатель, изображая в голосе трепет, объявлял: «Сейчас перед вами выступит человек, который…» и этот который мямлил что-то про митинг, там из какого-то n-го ряда он своими глазами видел… – тоже всё с трепетом… публика дохла от скуки и ждала, когда отпустят и можно будет пойти в магазин за бутылкой. Сам Ленин преспокойненько лежал в мавзолее, куда особенно интенсивно гнали народ, хотя все и так видели еще в школьные годы.

И вот рождается анекдот.

Советские люди делятся на две категории: первые – кто видел Ленина живым, и вторые – которые его в гробу видали.

Теперешний политический вектор ушел далеко в сторону от тех проблем и юмор этот мало роднит с новой жизнью, но в советское время сей анекдот стал шедевром и понятен был каждому до 90-х включительно.

То есть в 70-м году (и год моего рождения тоже) коммунистическая идеология уже сдохла, попала на историческую помойку. А дальше по фундаментальным законам, которые везде одинаковы: помойка ведь не безлюдная, а посещаемая; ну кто туда пойдет жрать?.. Правильно, помоечники; неважно, крысы это, люди, звери из лесу. Важно, что это одна категория, и поведение у них схожее совершенно. Вопрос: кто не погнушается жрать на исторической помойке, выхватывать друг у друга куски, расталкивать подобных себе тварей, чтобы на эту помойку быстрее попасть? Ответ: социальные помоечники, или – подонки, а в них у нас в России недостатка никогда не было. Отчего так, поговорим в другом месте, а пока, что называется, ближе к телу.

Вот эта вся свора, хапавшая сколько можно под знаменем коммунизма, ввалилась в 90-е в «русский капитализм» (а до сих пор неизвестно, что это такое) и вовсе озвизденела от новых возможностей. Конкретно – все те же коммунисты и комсомольцы, точнее – их авангард: райкомы КПСС и ВЛКСМ, обкомы, директора предприятий (всегда «надежные, проверенные товарищи»). Это сверху. А снизу – всех мастей и разрядов уголовщина, кою еще в начале 30-х через Максима Горького партия объявила (без всяких шуток) «социально близкой» рабочему классу… да в сущности, оно недалеко и было от истины.

И вот холера эта сразу с 92-го принялась воровать: через приватизацию, без всякой приватизации, федеральные и местные бюджетные деньги тащили, почти все западные кредиты разворовали – много-многомиллиардные.

А в центре событий стоял некто Гайдар.

Теперь возвращаемся к тем самым исследованиям зарубежного рынка.

Это ведь специфическое научное направление. Любая наука состоит из таких направлений, и ученые, как правило, не очень хорошо разбираются в проблемах своих коллег-соседей. Они туда и не лезут со своим мнением, не претендуют. Но вот ни сам Гайдар, ни кто-то из его правительства опытом рыночной экономики никогда не занимался. Гайдар был заместителем главного редактора журнала «Коммунист», а по основному профилю – политэкономом, то есть марксист-схоласт. Чубайсы всякие тоже от рынка были, мягко говоря, далеки. Но вот они и принялись реформировать, устанавливать, значит, рынок. А что касается действительных специалистов по рынку, не позвали ни одного.

Впрочем, не совсем так – включили в ельцинский президентский совет очень компетентного академика Богомолова, который через полтора месяца из него, плюнув, вышел, а главным описанием тамошней ситуации у этого интеллигентного человека звучало слово «бардак».

Да, еще академик Петраков так же точно вошел и вышел.

И чтобы пока закончить с темой, надо добавить: коммунистический авангард попёр весь почти в капитализм, а кто не попал в колонну – устроился в оппозицию и скоро понял, что это место даже очень комфортное.

Гайдаровское правительство sic! иронично называли «правительство младших научных сотрудников»; в этом была не только ирония: мальчики-девочки какие-то на высоких постах, дилетантизм охватил страну и, нельзя не сказать – не отпустил ее до сих пор. Ну, на главном примере: кто такой Путин? Подполковник КГБ. Потом кто? В Ленинграде на подхвате у Собчака. Потом? Зам. руководителя администрации Ельцина. А потом вдруг? Председатель ФСБ (того же КГБ) в чине генерал-полковника. Опа! Это как врача-ординатора даже не заведующим отделением, а главным врачом госпиталя назначить. Чушь ведь! Ну и соответственно: мебельщик − министр обороны, бухгалтер − руководитель здравоохранения и т. д.

А разгончик «людей ниоткуда» был тогда, в начале 90-х.

Теперь можно и о себе.

Догадались?.. Да, с помощью бати, который уже оказал услуги кое-кому в МВД, я в двадцать три года стал капитаном, да еще занял шикарную майорскую должность.

Хотя как посмотреть.

Если с точки зрения «брать на лапу», должность действительно шикарная, и скоро станет ясно почему. А если в смысле работы – как раз наоборот.

И лучше всего теперь к ней перейти.

Обычными бытовыми убийствами или покушениями на жизнь Петровка не занималась, это вменялось местным следственным органам. «Обычными» означает обычных людей, а существовали и необычные, под почти уже ушедшим названием «новые русские». Вот те – «ниоткуда». Обустраивали они свой быт, осваивая, помимо огромных московских квартир, ближнее Подмосковье, и в основном то западное направление, которое известно теперь всем под общим названьем «Рублевка». Вот если там что-то случалось, Петровка брала дела в свои руки. По двум причинам: влиятельности тех людей, и чтобы «бабки срубить».

Первое мое дело имело именно тот самый адрес. А состав преступления – похищение ребенка, маленького совсем – двух с половиной лет.

Понятно, что здесь срочность нужна особенная, и я с помощником и экспертом был отправлен на место сразу по поступлению сигнала.

Похищения с целью вымогательства денег у богатых людей только еще начинались, и следственные их разработки были сравнительной новинкой не только для меня, но и для руководства. Хуже всего – не знали мы тогда типовых моделей поведения похитителей.

Десять километров от окружной, и подъезжаем по адресу к трехэтажному коттеджу с башенками – новенькому, из бежевого кирпича.

И рядом неслабенькие домишки, некоторые еще строятся.

Тоже кирпичный высокий забор, ворота нам сразу почти открывают.

Охранник показывает проезжать внутрь, и замечаю небольшую будку у внутренней части забора – для согрева и отдыха; там сменщик спать не ляжет – охранник, стало быть, предусмотрен один.

Подъехали мы на простых жигулях, без «опознавательных», чтобы не привлекать внимания. И теперь смотрю, откуда именно это внимание к себе можем привлечь.

Вон из особняка напротив, с их третьего этажа видна не только улица, но и этот внутренний двор, а еще со стройки наискосок с крана всё хорошо просматривается. И не исключено – откуда-нибудь еще. В общем, если похитители ведут наблюдение, мы «попали».

Да, не отработана у нас тогда была модель оперативного поведения.

Вылезаем у парадного входа… стеклянные раздвижные двери на фотоэлементах – красиво, но ненадежно.

Входим внутрь по губчатому настилу.

В холле – много зеркал и видна дверка лифта – нас встречает блондинка в цветных брюках в обтяжку и белом свитере.

От нее сбоку-сзади какое-то в сероватом существо… впрочем, мордочка хотя грустная и как вроде заплаканная, но молодая и миловидная.

Блондинка очень ухоженная, по возрасту… лет тридцати, тип – входивший тогда только в моду у новых русских: блондинка с голубыми глазами.

Голубые, за недостатком пигмента заменялись на серые, но французской косметикой подводились под голубые. Фигура обязательно с неплохой талией и выразительной попой. Бюст не менее среднего. По «их» понятиям – эталон красоты.

Сейчас многие пообтерлись, собирают иконы, Дали, Фаберже – какие-то альбомы смотрят, а тогда, в подавляющем большинстве, вообще были «Ваньки с Пресни». Но эталон указанной блондинки сохранился и до сих пор.

Почему?.. Фаберже с Дали, стало быть, не очень помогают.

А вот мой брат говорит: в женщине обязательно должно быть что-нибудь темное – глаза, волосы… ну хоть, темное прошлое.

С последним у него всё хорошо, вот его уже третья жена гоняет, пока по корту.

Мы с батей сделали еще по глотку Мальвазии.

И кстати уж: многие варвары, особенно наши новорусские, считают полезным пить перед обедом сухое красное, и этак – стакан или два. Хорошее сухое красное очень полезно, но в умеренных дозах, и обязательно с едой. Иначе это путь к хроническому дисбактериозу, плохой поджелудочной и язве желудка. Пить до еды надо белое полусладкое, тем более что сахароза-фруктоза усваиваются организмом в первую очередь перед любыми другими продуктами. Вот мы с батей прелестную эту Мальвазию с душистым цветочным букетом понемногу и пьем.

Отвлекся, пардон.

Итак, блондинка – мать малыша, а в сероватом – нянька. Чуть позже выяснилось – барышня с Украины, на заработках здесь у нас.

Справа вдоль стены длинная, как в магазине, встроенная стояками вешалка – кожа, какие-то еще для улицы дорогие пальто и куртки… внизу женская обувь, и замечаю с краю меленькую совсем детскую одежонку, а под ней три пары хорошеньких совсем, лайковых что ли, ботиночек.

Блондинка уже рассказывает:

– После завтрака пошли гулять, – кивает на грустно-серое существо и смотрит на ручные золотые часы, – час сорок назад это было. Дальше ты будешь рассказывать?

– Не-е, лучше вы, – блеет слабенький голосок.

– Ладно… Вышли за ворота. Через пару буквально минут она только успела заметить поравнявшихся двух мужчин, так?

– Так, – опять слабенько раздалось, – я лиц ихних не разглядела, потому что чуть сзади…

– И эфирным платком ей рот-нос зажали. Очнулась она минут через пять, мальчика нет. Ну, естественно, в дом ко мне, а дальше – мы к вам звонок.

Я уже открыл рот начать спрашивать, но блондинка сделала упреждающий знак рукой:

– Это не всё. Давай!

«Серая» вытащила из каких-то глубин сложенный вчетверо лист бумаги и протянула мне.

Так… белая бумага, формат А4, с внешней стороны ничего нет… смотрю – что с другой…

О! схема занимает почти весь лист.

Стрелки, углы… цифры с буковкой «ш»… шаги что ли?

Хозяйка дает пояснение:

– В карман ей сунули, когда в обмороке была.

Теперь вижу поверху схемы текст печатными буквами: «ЗАВТРА В 17 ч. ПРАВАЯ СТОРОНА ВОСТРИКОВСКОГО КЛАДБИЩА. ДВИГАТЬСЯ ПО СХЕМЕ. ИМЕТЬ С СОБОЙ 200 ТЫС. ДОЛЛ.»

Это уже что-то, и немного отлегло – по крайней мере, понятен преступный план; неизвестность была бы гораздо страшнее.

На блондинку записка раньше еще произвела успокаивающее действие, тон у нее сейчас несколько резкий, но не нервический, деловой.

– Я уже связалась с отцом мальчика, чтобы помог с деньгами.

– Вы живете не вместе?

– Нет, у нас был какое-то время гражданский брак.

– Фотографии ребенка, пожалуйста, и свидетельство о рождении.

Молодая нянька спешит куда-то внутрь помещений.

Интересно, а чем так нехило заработала блондинка на особняк и две иномарки у здания сбоку.

Она на эту тему как раз и заговорила:

– У меня наличных нет сейчас, и в банке практически ноль. Открыла недавно женский парикмахерский салон на Арбате, всё туда вложено, в фонды и оборот. А коттедж этот подарок.

– От гражданского мужа?

– Да. Он любит мальчика, и сказал – деньги скоро уже привезет.

Двести тысяч долларов за «дорогого» ребенка сейчас покажутся многим нелепой мелочью, но тогда, осенью 92-го, другие совсем были цены. Ну например, трехкомнатная квартира в Москве в хорошем кирпичном доме стоила пятьдесят тысяч, люди, получавшие зарплату в двести долларов, считали, что это вполне себе ничего, а земля на Рублевке, в тех же долларах, была раз в двадцать ниже теперешней.

– Скажите, товарищ капитан или… господин?

– Да просто – капитан.

– Скажите, главное ведь ребенок… пока мы его не вернем, вы не станете за-адерживать преступников? – ее голос дрогнул.

Без всякой уверенности насчет настроений начальства, я заверил ее, что не будем. Чего раньше времени…

– А почему мальчик с няней гулял за воротами, а не здесь во дворе?

Женщина мотнула головой и фыркнула:

– А, во-первых, по моей глупости! Но ведь в голову не приходило. И охранник у нас в том смысле, чтобы не лезли на территорию и в дом, особенно ночью. У него кнопка вызова в милицию, отделение тут близко совсем.

Она снова в укор себе мотнула головой и прикусила губу.

– А во-вторых?

– … ветер бывает со стройки, на соседнем за домом участке, пыль ребенку уже попадала в глаза… и нам тоже.

– Понятно. Ну, главный, пожалуй, вопрос. Кого-то конкретно подозреваете?

Голова покачалась:

– Думала уже об этом… – на лбу вдруг появилась напряженная складка, – соседи напротив…

– Что с ними?

– Да не поймешь, сколько их там. Кавказ сплошной постоянно мелькает.

Я сразу приказал стоявшему без дела помощнику:

– Звони в управление, пусть присылают собаку.

Кавказ, и Чечня в особенности, уже стали о себе заявлять, причем, главным образом, «по особо опасным».

Молодая нянька объявилась с пачкой фотографий в руке.

Изрядная пачка.

… вижу какую-то раннюю фотографию – годовалую или меньше еще, перекладываю… опять в этом роде…

– Где он тут, так сказать, окончательный?

Блондинка берет у меня пачку, быстро разбирается с ней, протягивает две.

– Тут он снят недавно совсем в нашем дворе, а на другой – в доме.

… н-да, ребенок, каких много, черты лица ничем не примечательные.

– Опишите одежду, в которой его похитили.

Достаю из кармана блокнот, но женщины меня останавливают.

– Не надо записывать, вот в этой самой, на фотографии.

– Фотографии и свидетельство я на время заберу, вам, как положено, пишу расписку.

Но сразу меняю решение: говорю эксперту, чтобы сгонял в местное отделение, отксерил свидетельство и в нескольких экземплярах схему.

– А мы такой суетой не засветимся?

– Если наблюдают, уже засветились. К тому же, скоро с собакой пожалуют.

Помощник как раз явился со словами, что через десять минут выезжают и что начальство велело мне побыстрей возвращаться с докладом.

– Какой у вас план, капитан?

Ох, дождался, чего меньше всего хотел.

– Время только двенадцать, у нас впереди сутки и еще пять часов. Разумеется, мы к концу дня выработаем вполне определенный план, но, поймите правильно, я сейчас не могу озвучивать даже свое предварительное мнение. А вам, девушка, – от моего взгляда та почему-то съежилась, – надо в любом случае готовиться к посещению кладбища. Ну-у, не беспокойтесь, вы для преступников не цель, вас они пальцем не тронут.

– Вы полагаете, получив деньги, они сразу там же отдадут мальчика? – голос бедной матери дрогнул опять.

– Вероятнее всего отведут к нему няню. Кладбище очень большое, у меня там мама похоронена. Полно деревьев, дальше двадцати метров уже ничего не просматривается, и время они назначили на закате. Кто-то из шайки может сидеть с ребенком недалеко от того места, где ее встретят с деньгами.

Девушке, показалось, страху только прибавилось.

– Уверяю, делать что-либо против вас или мальчика они не станут. И не от гуманности. Преступники всегда допускают, что могут попасться, – зачем им еще одна статья, к тому же – особо тяжкая.

– Да! – с ноткою радости поддержала женщина – эта нехитрая истина явно ее взбодрила.

Сигнал машины или мне показалось?..

Не показалось, хозяйка двинулась к входу, проговорив уверенно:

– Это муж.

Помощник мой покачивается с носков на пятки от вынужденного безделья.

– Леш, всё обснимали? И двор перед домом?

– Всё, товарищ капитан.

Вообще-то мы по именам и на «ты», однако на людях он соблюдает субординацию.

– Я сейчас переговорю с этим мужем и отправлюсь в управление, а ты дождешься наших с собакой, если вдруг она поведет к кавказскому дому напротив, сразу не соваться, взять наряд местной милиции.

И спрашиваю няньку:

– Кроме тех двух мужчин, в переулке никого не было?.. А машину стоявшую где-нибудь не заметили?

– Машину? – Решительность вдруг объявилась в голосе: – Не было машины, я бы заметила.

Она прослеживает мой взгляд, брошенный к вешалке на край с детской одеждой.

– Как поглядаю, так дрожь берет – как он?

…«поглядаю» от этого украинизма пошла у меня толчком «Дивлюсь я на нибо, тай думку га-да-ю», и на весь день прицепилась.

Поворачиваюсь к раздвижным дверям, вместе с хозяйкой появился мужчина, идет ко мне и протягивает руку.

Я представляюсь.

– Знаю-знаю, разговаривал уже с вашим начальством…

И, ничего себе, называет фамилию курирующего нас зама министра.

Сам представляется – фамилия, имя-отчество ничего мне не говорят.

Он продолжает, обращаясь ко мне просто по имени:

– Дмитрий, сейчас главное – спасти мальчика. Я уже сказал руководству, что считаю захват преступников в такой ситуации неприемлемым.

Ничего себе – «он сказал»! Нашему заму? Этой наглой свинье в ермолке, который даже на подчиненных ему генералов смотрит как на уличных бобиков? Кто ж этот мужик такой?

Кивает в сторону своей бывшей гражданской жены, у которой, теперь замечаю, светлая замшевая сумочка на лямке висит на плече:

– Деньги готовы для передачи.

Его сильная рука берет меня за локоть и направляет вглубь холла, дальше от остальных.

– Дима, – слышу его тихий голос, – ведь вы будете ответственным за операцию?

– Ну… думаю, да.

– У меня большие возможности, мой дорогой, в случае чего могу перевести вас в ФСБ или в охрану президента на очень хорошую должность. Вы меня понимаете?

– Честно говоря, не совсем.

– Верните мальчика, даже если придется нарушить какой-то приказ начальства.

Я сам почувствовал, что резко напрягся, и мой странный знакомый сразу отреагировал.

– Не отвечайте сейчас. Просто имейте в виду.

Мы развернулись, идти назад, пересеклись взглядами, и я увидел в его темно-серых глазах… почувствовал, а не увидел, силу, не знающую преград, но не злую, не страшную, а просто силу.

Мы с экспертом возвращаемся на Петровку, я гоню из головы ту самую песню «Дивлюсь я на нибо…», а она снова возвращается. Завтра на Востриковском должна состоятся передача денег, и как при этом провести задержание преступников, просто себе не представляю.

Кладбище огромное в глубину. Ясно, что первую точку наблюдения они поставят где-то у главной аллеи до первого поворота налево, указанного на схеме, и это не будет бугай с золотой на груди цепью, а кто угодно, наводящий порядок на одной из могил, откуда есть хороший обзор за «хвостом», который могут пустить за нянькой.

Мы сразу на этом первом контроле засыпемся.

После первого поворота есть еще три, и от третьего стрелка с пунктиром в смысле – «иди и иди».

Но это вовсе не значит, что девушку встретят где-то там дальше. Преступники могут тормознуть ее и на половине пути, так что наши засады ближе к концу дистанции окажутся бесполезными, не говоря уже о том, что расставить большое число людей незамеченными, практически невозможно.

Я еще подумал… и понял, что этими соображениями трудности не кончаются.

Снова смотрю на схему.

Конечно, последняя тут прямая идет уже недалеко от заднего забора, за которым обширный участок дикого леса. Унести туда ноги – нет проблем, а чтобы блокировать со стороны леса, нужно разместить там около роты солдат.

Опять эта песня, да чтоб её!

Но продолжаю «гадать свою думку»: вот девушка идет по какой-то алее… ее окликивают от одной из могил… так, там двое – и может быть женщина… забирают деньги из сумки, сумку, разумеется, не берут, женщина другими путями топает себе спокойно на выход… а может быть, это рабочий в спецовке из местных или подросток мальчик-девочка – у преступников тоже есть дети… девушка, отдав деньги, спрашивает: «а где же ребенок?» – «а вот посидим еще минут десять, вы пройдете тут рядом к одной могиле, там записочка – и не волнуйтесь, мальчик в полном порядке»… а мальчик, скорее всего, там и сидит, только что оставленный… или оставлен в какой-нибудь машине неподалеку от кладбища – а в записке сказано где.

На месте преступников я б так и сделал… впрочем, что за глупые мысли.

Ну, снова «Дивлюсь я на ни-бо…»

За раздумьями не заметил, как оказались уже у родной конторы. Что докладывать начальству – понятно: факты, и свои соображения – почему операцию по захвату преступников проводить нельзя.

Надо сказать, начальство у меня не умное и не глупое, а среднее, и в целом – вменяемое. Это важно, потому что не всем так везет, и в конторе были пеньки откровенные.

Подполковник – непосредственный мой начальник носил кличку «Антигорби», так как имя-отчество имел инверсивное к ушедшему недавно от власти Горбачеву, то есть звался Сергей Михайлович, а выше над ним и, соответственно, мной помещался полковник Моков – тоже не глупый и не сильно вредный.

Доложил обоим начальникам у Мокова в кабинете, выслушали всё внимательно.

– Эх, блин, – вздохнул мой Михалыч, – так что же выходит, сук этих взять нам не получается?

– А как? Дмитрий четко всё разложил. И во-вторых, зам. министра мне однозначно сказал: «Голову сниму, если с мальчиком что-то случится». – Помолчав, полковник грустно добавил: – И двести тысяч долларов придется отдать.

Грусть искренняя, от всего сердца, и по понятной причине: если б пошли на захват, денег их прежнему владельцу как собственных ушей не видать. И скорее всего, случилось бы так: при захвате преступники оказали вооруженное сопротивление, двое-трое были убиты, а один, якобы с деньгами, сбежал. Няньку, если нужно по обстоятельствам, оглушили бы, не стесняя себя последствиями.

Да, взгрустнули мои два начальника.

Решили окончательно, что мы с помощником привозим няньку, провожаем по главной аллее до первого поворота и прогуливаемся там ее дожидаясь. Приезжаем в своей милицейской форме, преступникам это должно показать, что играем «в открытую» – ничего против них не замышляем, просто хотим получить ребенка. И нянька должна так озвучить сразу при встрече. С этим отправились к себе в Отдел, уточняя между собой технические детали, и что медсестру надо взять для вдруг необходимой помощи мальчику.

Прошли уже в свою часть здания, как вдруг…кто-то выскочил нам навстречу с громким:

– Лешка звонил, там обыск уже идет!

Михалыч въехал не сразу, а я понял – значит, собака, взяв след, повела на «кавказский» дом.

Честно говоря, такого подарка не ожидал и всё затеял исключительно ради подстраховки и чтоб перед начальством отчитаться хоть за какие-то действия.

– Что еще говорил?

– Только начали, он там с местной милицией.

Подполковник тоже добрался мыслью до сути и, обдумав ее, предложил:

– Давай ко мне в кабинет, махнем по чуть-чуть коньячку. Теперь нам чего – только ждать.

Ждать пришлось, впрочем, недолго совсем.

Только, хлопнув по первой, выпили по чашечке кофе и я собрался спросить: что это за кадр интересный такой – папаша того ребенка, раздался звонок Алексея прямо сюда в кабинет.

Начальник взял трубку, через несколько секунд мотнул мне отрицательно головой – понятно, мальчика нет – и скомандовал везти их сюда.

Мысль у меня мелькнула маленькой беспокойной молнией:

– Пусть подождет на проводе, Сергей Михайлович!

Тот, удивленно взглянув, слова, однако, мои повторил.

И отложив трубку, спросил – чего это вдруг?

– Можем сами себе дело испортить.

– Не понял.

– Ну, первое, может быть, собака ошиблась.

– Ой, навряд ли.

– Или они во время прогулки приближались к чужой территории. Нянька ведь после эфирного обморока толком может не помнить.

– Ну-у…

– А самое главное – ребенка перебросили куда-то.

– Вот это – скорее всего.

– Тогда нам тем более не надо их напрягать. Дойдет до подельников, что мы взяли след, черт их знает, что натворят со страху.

– Так, блин, резонно… что же делать?

– Пусть Лешка извинится и скажет: пропал из соседнего дома мальчик, обыскиваем всё вокруг.

– Молодец, Митя, фу-у, блин! Налей-ка еще.

Я исполнил и порадовался «непеньковому» своему начальнику.

Должен сказать наперед, что распространенную среди коллег «лексику» я тут смягчаю эвфемизмами или не привожу вовсе. А насчет «по чуть-чуть»: в рабочее время это считалось почти за норму у всех от уровня моей должности и выше, а младших строго-отцовски предупреждали: «смотрите вы там – чтоб не очень!»

Однако признать надо – «очень» случалось не часто, люди были в основном тренированные, а новички к ним быстро подтягивались. И этим милиция положительно отличалась от армии, вот там… про там, рассказывали откровенно страшные вещи. Например, один приятель Михалыча – военный авиаинженер – регулярно ездил в составе инспекторских групп и недавно поведал ему с содроганием вот такое.

Аэродром бомбардировочной авиации. Во главе инспекции генерал уже нелетающий, и как все – не дурак выпить. Отдает приказ поднять в воздух эскадрилью с полным боевым оснащением. Бомбы подвесили и эскадрилья поднялась в установленное лимитом время – всё хорошо. Летчики скоро вернулись и сели, а до того, как сели, генерал с командиром полка и другими нормально жахнул. Потом добавили. Генерала местные потаскушки повели под руки в баньку, а тот малопьющий инженер отправился прогуляться на свежий воздух и скоро оказался у одного из отлетавших бомбардировщиков. Неподалеку курили датый командир полка и несколько его подчиненных – тоже уже хороших. Инженер брякнул, больше для разговора: «разгружать бомбы сегодня, значит, не будете» – естественная мысль, когда вокруг ни одного трезвого офицера. «Что?!» – залихватски вскричал командир. – «А ну, Коля, давай!». Один из группы бросил сигарету и полез в кабину. Еще через тридцать секунд… у инженера всё сжалось внутри – вот она смерть! бомбы, сброшенные на бетон, покачивались, но… не взорвались. Конечно, заряды стоят на предохранителях, только про детонацию от сильного механического удара знает давно каждый школьник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.